

«... Великий кризис

ВОТ-ВОТ НАЧНЕТСЯ»

Из донесений американской военной разведки в 1935–1941 гг.

В. О. Печатнов, И. Э. Магадеев*

Начальник штаба сухопутных сил США генерал Джордж Маршалл в ответ на запрос Белого дома направил 2 сентября 1943 г. президенту Франклину Рузвельту папку со сводным обзором секретных донесений армейской разведки США (знаменитой «Джи-2») за 1935–1941 гг. о росте фашистской военной угрозы в Европе. Этот документ был подготовлен на основе многих тысяч донесений военных атташе США в европейских странах, составивших в общей сложности 56 томов. Нам неизвестны мотивы этого президентского запроса, но Дж. Маршалл в сопроводительном письме на имя Рузвельта упоминает о том, что документы отбирались с учетом «исторического интереса»¹.

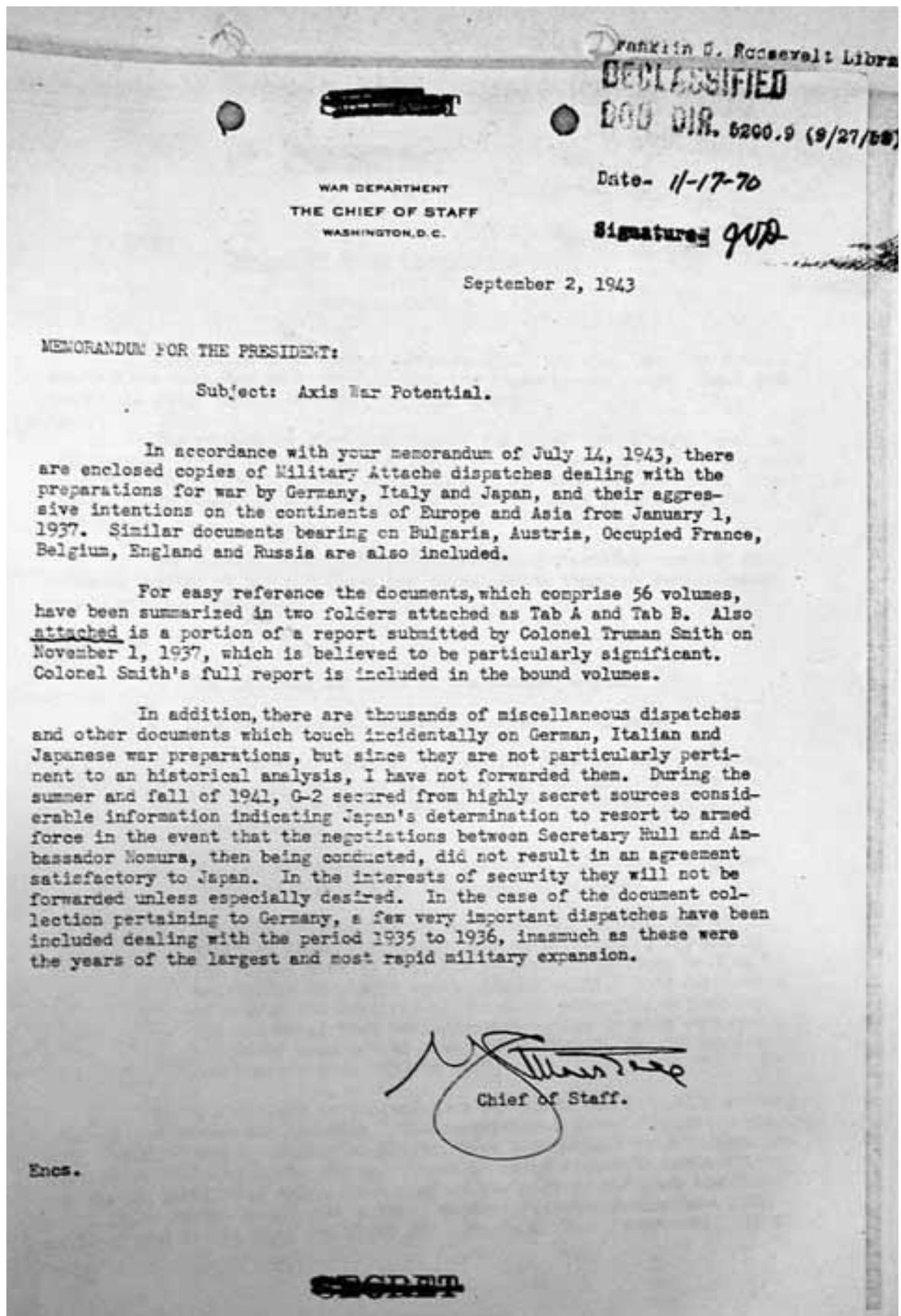
Можно предположить, что эти документы, уже не имевшие к тому времени оперативного значения, предназначались для будущих историков, включая и самого президента, который мечтал засесть за мемуары после войны. Так или иначе они сохранились в архиве Рузвельта и действительно представляют несомненный исторический интерес сразу в нескольких отношениях. Во-первых, — как живые свидетельства современников о росте фашистской угрозы, причем свидетельства компетентные, поскольку «Джи-2» была тогда самой профессиональной и ресурсообеспеченной американской разведкой. Во-вторых, они дают представление об уровне информированности военно-политиче-

ского руководства США о военном потенциале стран «оси». Наконец, эти документы позволяют судить о том, насколько адекватно американская разведка понимала характер и масштаб назревавшей в Европе катастрофы.

Армейские разведчики хорошо знали свое дело: порой они лучше дипломатов и политиков понимали, куда идет развитие событий, поскольку судили о них по реальным фактам военного строительства стран «оси», а эти факты и цифры ярче всяких слов говорили о нарастании реальной военной угрозы. Однако военные атташе не ограничивались чисто военно-технической стороной дела; они шли дальше, давая оценки и прогнозы развития общей стратегической ситуации и намерений сторон. Не всегда эти оценки и прогнозы оказывались точными, но основные тенденции схватывались в них безошибочно. Приход Гитлера к власти как «разрыв между довоенным и предвоенным периодом», ремилитаризация Германии в качестве подготовки к большой войне, беспомощность Великобритании и Франции в отпоре фашизму, неизбежность советско-германского столкновения — эти и другие ключевые черты предвоенного периода проступают в донесениях со всей очевидностью. Яркий пример точного политического анализа — вывод военного атташе США в Берлине полковника Т. Смита о далеко идущих стратегических последствиях ремилитаризации

* **Владимир Олегович Печатнов** — д.и.н., профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У) МИД России.

Искандер Эдуардович Магадеев — аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Германией Рейнской области — «дерзкого шага», «подрубившего основы всей структуры французских послевоенных союзов».

Вместе с тем американские разведчики, находясь в плену профессионального рационализма, все-таки недооценивали стратегическую дерзость и авантюризм Гитлера, преуменьшая его готовность к применению силы. Этому способствовала тогдашняя слабость агентурной сети разведки США в Германии и Италии, отсутствие надежных источников в военно-политических кругах этих стран. У читателей этого издания теперь есть возможность сравнить уровень информированности американской и советской разведок о военно-политической ситуации в предвоенной Европе. Это сравнение говорит о том, что советские разведчики имели доступ к более закрытой и важной информации о планах и намерениях стран «оси», чем их американские коллеги. Характерна и плохая осведомленность американцев о положении в Советском Союзе, хотя в целом они верно отмечали постепенное наращивание советских военных усилий в ответ на фашистскую угрозу при всем запаздывающем характере этих усилий. Интересен и точный прогноз о том, что крах нацистского блицкрига в 1941 году приведет к поражению Германии в войне.

Армейская разведка США снабжала военно-политическое руководство страны весьма адекватной информацией о разрастании европейского кризиса и не ее вина в том, что США вяло реагировали на угрозу фашизма и оказались не готовы к большой войне с ним, когда она разразилась. Но к счастью для Америки у нее, в отличие от СССР, и тогда было время, чтобы наверстать упущенное в предвоенные годы — время, купленное ценой жизни миллионов советских людей, сдержавших страшный натиск вермахта.

СВОДКА ЕВРОПЕЙСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Рассекречено
Письмо аппарата министра
обороны США, 5-3-72
15 ноября 1972

Документы разведывательного отделения Штаба сухопутных сил состоят из меморандумов, исследований, оценок и подобного рода

материалов, которые были подготовлены для Военного министерства и других правительственных органов.

Приход Гитлера к власти в Германии в 1933 году знаменовал собой разрыв между довоенным и предвоенным временем. Учитывая роль Германии в Европе, важно включить в сводку более ранние доклады военных атташе в Германии, чем изначально подразумевалось в директиве по ее составлению. Уже в мае 1935 года военный атташе в Берлине докладывал, что Германия переводит всю свою экономическую жизнь на военные рельсы. Неделию спустя он уточнил эту картину, отметив, что почти 50 процентов германского промышленного производства приходится на вооружения. В августе военный атташе добавил, что военное положение Германии укрепляется за счет строительства широкой сети дорог военного назначения. Речь Гитлера от 16 сентября была расценена военным атташе как прямая угроза существующему статусу Мемеля в Литве, хотя он оговорил, что невозможно предсказать, когда именно Германия предпримет шаги против своего маленького балтийского соседа. К октябрю военный атташе докладывал, что только три группы имеют существенное политическое влияние в нацистском руководстве: нацистская партия; армия; финансисты и промышленники. В столкновении партии и армии, добавил он, армию заставят отступить.

25 ноября военный атташе докладывал, что, хотя Германия и стремится к временному миру с Францией, она ожидает войны с французской нацией. Это произойдет тогда, когда окончательно придет время столкнуться с Советским Союзом. Франция, однако, будет представлена в роли агрессора². На востоке Финляндия рассматривалась как надежный союзник Германии в любом советско-нацистском конфликте. Дальнейшие свидетельства того, насколько жизнь Германия определялась военными соображениями, были приведены военным атташе в докладе о перемещении германской промышленности и создании новых военных производств в центре Германии как меры подготовки к возможным боевым действиям.

Военный атташе считал, что занятие Гитлером Рейнской области означает намного больше, нежели простое возвращение нацистских гарнизонов в несколько германских городов. Одним дерзким шагом Гитлер подрубил основы всей

структуры французских послевоенных союзов, заявил атташе. Европейский кризис, вызванный занятием Рейнской области германскими войсками, был такой глубины, что, по мнению военного атташе, отныне все стратегические факторы, связанные с возможной войной между Францией и Германией, должны быть приняты во внимание. Он добавил, однако, что не верит, что подобное столкновение на самом деле произойдет. Спустя месяц, военный атташе резюмировал, что Германия заняла строго оборонительную позицию. Германия будет тянуть время, поддерживать перевооружение Венгрии и пытаться поставить у власти в Австрии более дружественное Германии правительство. В течение лета 1936 года военный атташе докладывал, что Германия полностью не удовлетворена статус-кво и она стремится к получению новых территорий в Восточной Европе. Он добавил, что Германия не прибегнет к войне только в том случае, если сможет достичь своих целей другими средствами. В следующем докладе осенью 1936 года военный атташе предупреждал, что германо-итальянское сотрудничество постоянно укрепляется, и что занятие Рейнской области Германией вызвало резкий упадок престижа Франции в Восточной Европе. [2]

1937

1937 год отмечен началом последней отчаянной гонки всех европейских правительств с целью поставить развитие своих стран на военные рельсы. Возрастание германской военной мощи было отмечено военным атташе в Берлине в докладе, где говорилось о почти двукратном увеличении численности нацистской армии с 1936 года. Эта армия насчитывала 36 дивизий и как минимум 600 000 человек, хотя недостаток офицеров продолжал оставаться сдерживающим фактором ее роста. В другом докладе, датированном тем же днем, военный атташе говорил о том, что полная реорганизация резервов германской армии в дополнение к 36 дивизиям первого эшелона даст дополнительно 12 или более дивизий ландвера³. Мощь военно-воздушных сил Германии оценивалась военным атташе между 720 и 960 боевыми самолетами первой линии и численностью личного состава более 100 000 человек. В письме от 25 мая 1937 года военный атташе отмечал, что, хотя военный и экономический потенциал Германии неуклонно растет, он не ожидает войны в ближайшем будущем. В сентябре он докладывал, что

моторизация 4 германских дивизий начнется в течение ближайшего месяца. Германия делает быстрые шаги в развитии 4-моторных самолетов. К концу октября военный атташе считал, что германские военно-воздушные силы уже достигли того предела, когда их необходимо серьезно рассматривать как мощного противника, чья сила продолжает быстро расти. Он добавил, что немцы производят около 6000 самолетов ежегодно⁴. Система германских укреплений вдоль Рейна заперла французскую армию на ее территории. Военный атташе докладывал, что с каждым месяцем Франция все меньше способна оказать помощь своему восточному союзнику Чехословакии. К весне 1939 года он считал, что Германия способна удерживать французскую армию, задействовав лишь половину своих сухопутных сил.

В ноябре военный атташе информировал о том, что германский Генеральный штаб рассматривает позицию Великобритании как слабую, а также о том, что германской ценой за достижение соглашения с Англией был бы отказ последней от поддержки широко раскинувшейся французской системы союзов. Тем временем растущая германская мощь, о которой докладывал военный атташе из Берлина, оказывала серьезное воздействие на соседей Германии. На юге, как писал военный атташе в Риме, Италия стремилась закрепить свои позиции в Средиземноморье, а также, если получится, вовлечь в антибольшевистский блок Турцию. Италия также предпринимала серию шагов с целью подготовки либо к скорому, либо к возможному в будущем вооруженному конфликту. Военный атташе в Риме обращал внимание на то, что итальянцы строят новую прибрежную дорогу в Ливии, имеющую первостепенное военное значение, а также на то, что итальянские фабрики по производству военных материалов работают на полную мощность. Запасены существенные запасы продовольствия, добавлял он. 5 марта военный атташе в [3] Риме информировал о том, что военное министерство и большой фашистский совет на совещании 1 марта решили, что «всякая возможность ограничения вооружений ныне исключена». Производство самолетов в Италии оценивалось военным атташе в Риме в 1500–2000 единиц в год, в то время как общая численность итальянских военно-воздушных сил колебалась между 3000 и 4000 самолетов. В ряде докладов он обсуждал производственные мощности различных авиационных заводов

и шаги, которые Италия предприняла для подготовки к войне в воздухе. Комментируя мобилизацию резервистов в ноябре 1937 года, он констатировал, что приказ затрагивал около 100 000 резервистов и что приблизительная численность итальянской армии ныне составляет около 500 000 человек.

Тревога, с которой европейские государства смотрят на процессы перевооружения и нарастание международной напряженности были отражены в письме военного атташе в Болгарии. Он процитировал короля Бориса⁵, который сказал новому посланнику США в Софии, что Болгария желает мира и стремится избегать всяких затруднительных положений.

Западные державы — Франция и Англия — также постепенно осознавали растущую угрозу их безопасности со стороны нацистской Германии. Однако как британцы, так и французы были далеки от состояния военной готовности. В докладе от 10 марта военный атташе в Лондоне подробно анализировал проблему увеличения британской армии и приведения ее в боевую готовность, ясно обозначив огромный масштаб задач, который стоял перед Англией в деле создания современной армии. В следующем докладе неделю спустя обсуждались новые британские вооружения, а также был очерчен пятилетний план, выполнение которого намечалось на весну 1942 года. Эти планы были нацелены на создание небольшой, но эффективной ударной силы, которая в случае сражений на континенте зависела бы от союза с другой сильной военной державой. В докладе, сопровождавшем этот план, военный атташе оценивал его скептически, так как программа намечала наступательные действия армии, что было чуждо традиционному британскому оборонительному духу. В своем октябрьском докладе 1937 года он считал, что германская армия была великолепна, состояние французской армии улучшалось, в то время как состояние британской армии оставалось плохим из-за недостатка боевой техники и инерции устаревших идей. При дальнейшем обсуждении неблагоприятных факторов он отметил, что почти все его впечатления от британской армии были пессимистичными.

Французы также осознавали все возрастающую германскую угрозу на своей восточной границе. Военный атташе в Париже докладывал, что ситуация во французской промышленности была очень тяжелой, характеризовалась серьезной неразберихой и отсутствием реального

прогресса. Он особо отметил сопротивление владельцев заводов по производству вооружений попыткам национализации французской военной промышленности. Французское чувство беспомощности перед лицом нарастающего перевооружения Германии было отражено в докладе от 7 мая 1937 года [4], в котором военный атташе также констатировал, что французы полагают, что Австрия практически готова упасть в руки Германии и что Великобритания почти ничего не будет делать по этому поводу⁶. Франция имела лишь 1000 самолетов первой линии в 1937 году. Военный атташе отметил в этом докладе, что министр авиации Пьер Кот⁷ проводит национализацию французской авиационной промышленности.

В том, что касается Восточной Европы, роль, которую должен был играть в предстоящем столкновении Советский Союз, оставалась неясной. Военный атташе в Москве докладывал, что чистки, в ходе которых были расстреляны Тухачевский и другие ведущие советские офицеры, усилили контроль над политической благонадежностью советских командиров и начали повышать эффективность советской армии. Хотя наш военный атташе в Советском Союзе отмечал, что получить надежную официальную информацию о военно-воздушных силах Советского Союза крайне трудно, в августе 1937 он докладывал, что СССР имеет в общем около 4000 самолетов. В последующих докладах, обсуждая промышленную мобилизацию Советского Союза, он обратил внимание на то, что централизация исполнительной власти является полной и неограниченной. Сложности, с которыми борется сталинский режим, состоят в недостатке технических навыков у рабочих, низком уровне жизни, саботаже и грабежах. Цифры по бюджету за 1937 год демонстрируют увеличение затрат Советского Союза на оборону, в то время как объем средств, выделяемый на развитие сфер деятельности, тесно связанных с военными нуждами, также растет.

1938

Германия встретила 1938 год, все более укрепляя свое военное положение. Военный атташе в Берлине информировал, что Германия окончательно перевела свою экономику на военные рельсы и, хотя само по себе это не означает неизбежности будущей войны, значение этого факта состоит в том, что Германия намерена быть сильнейшей военной державой в Европе.

Военный атташе отметил, что политика Германии по строительству приграничных укреплений дает ясное представление о ее намерениях в случае войны: наступательных действий Германии можно ожидать на границах, оставленных неукрепленными. Военный атташе обратил внимание на то, что в их числе находится и граница с Чехословакией.

Заявление Гитлера от 20 февраля об увеличении германской армии было прояснено военным атташе, который объяснил, что количество пехотных дивизий будет увеличено с 36 до 48, а бронетанковых — с 3 до 5. 9 марта, за два дня до того, как германские войска пересекли австрийскую границу, военный атташе предупредил, что нацисты могут быть нацелены на незамедлительное решение вопроса с Австрией, дабы не потерять преимущества, полученные ими по результатам конференции в Берхтесгадене⁸. [5]

После провозглашения австро-германского союза военный атташе в Берлине информировал о том, что защита Австрии Италией невозможна. В том же докладе он обращал внимание на то, что Великобритания и Франция серьезно ослабли и что малые государства Центральной Европы пойдут на уступки Германии. Чехословакия, добавил он, либо войдет в германскую орбиту, то есть прекратит существовать как самостоятельное государство, либо будет разделена по национальному признаку. Две недели спустя военный атташе, докладывая о растущей напряженности в германо-чешских отношениях, констатировал, что единственный вопрос состоит в том, когда, а не если, Гитлер предпримет следующий шаг. Германия нацелена на ликвидацию смешанного чехословацкого государства и на присоединение территорий, населенных немцами, к Третьему рейху, предупредил военный атташе.

Кризис 21–22 мая 1938 года⁹ ознаменовал собой начало чехословацкой драмы, докладывал военный атташе. Он предположил, что она может длиться существенное время. Он, однако, не верил в то, что Германия предпримет немедленные действия, так как в следующем году она будет на 20 процентов экономически более самодостаточна, нежели в настоящее время. Тем временем из Праги поступила информация о чехословацких мерах на случай любой возможной германской угрозы. 24 мая военный атташе в Праге докладывал, что чехи предприняли военные меры, которые они называли «учениями», а не мобилизацией.

Хотя чехословацкий кризис не привел к немедленному результату, Германия продолжила ускоренное строительство Западного вала¹⁰. Военный атташе в Берлине докладывал, что из-за недостроенных укреплений на западной германской границе Гитлер воздержится от мер против чехов, которые могут повлечь столкновение с Францией¹¹. В течение лета чехословацкий кризис продолжал маячить на горизонте международной политики. К 1 августа военный атташе констатировал, что, хотя немцы еще могут согласиться с сохранением федеративного устройства Чехословакии, в конце концов, они, бесспорно, полностью присоединят Судетскую область. Неделю спустя он сообщал, что более 150 000 человек вовлечено в строительство Западного вала и что немцы планируют хотя бы частично завершить строительство этих укреплений к 15 сентября. 8 августа военный атташе информировал военное министерство о том, что Гитлер намерен окончательно решить чешский вопрос между 15 сентября и 1 ноября. Спустя 10 дней, в то время как миссия Ренсимена¹² находилась в Чехословакии с целью решения судетского вопроса, военный атташе в Берлине информировал, что не ожидается никаких действий до завершения миссией своей работы. В то же время, добавил он, Германия усиливает свои военные позиции. К 1 сентября он считал, что вооруженная интервенция Германии в Чехословакию пока не входит в планы Гитлера. В то же время он говорил о том, что военные приготовления Германии не будут ослаблены до тех пор, пока чехословацкий кризис не будет разрешен. Две недели спустя военный атташе докладывал, что намерения Гитлера были неясны, но, по его мнению, решения о военной интервенции не принято¹³. [6]

К 28 сентября военный атташе докладывал, что немцы призывают резервистов и принимают меры по приведению военно-воздушных сил в состояние полной боевой готовности. На следующий день он телеграфировал, что предпринимаются дальнейшие шаги по военному приготовлению Германии. 27 сентября он информировал военное министерство о сосредоточении пяти или шести дивизий вдоль чехословацкой границы. Всеобщей мобилизации к 28 сентября объявлено не было.

29 сентября Мюнхенское соглашение было подписано и судьба Чехословакии была решена. 5 октября военный атташе докладывал из Берлина о том, что Германия стремится не допустить

перехода Словакии в руки Венгрии, несмотря на венгерские требования и их поддержку со стороны Польши и Италии. 28 октября военный атташе констатировал, что Германия вскоре потребует от Литвы Мемельский округ и что у литовского правительства в Ковно¹⁴ не так много времени для удовлетворения этого германского требования. В декабре он докладывал, что британо-германские отношения, видимо, зашли в психологический тупик.

В то время как Германия использовала 1938 год для укрепления своей власти в Центральной Европе, Италия предпринимала дальнейшие шаги по укреплению своего военного положения. В феврале 1938 года военный атташе в Риме докладывал, что военно-воздушные силы Италии существенно выросли за последний год. Комментируя визит Гитлера в Италию в мае, военный атташе писал о явном отсутствии энтузиазма к нему со стороны итальянского народа, что демонстрирует антигерманские настроения в Италии. Результаты переговоров Муссолини и фюрера были неизвестны, добавлял он, но было маловероятно, что они завершились заключением военного союза между двумя государствами.

В июле военный атташе констатировал, что на данный момент у Италии нет резервов военных самолетов и складов и вследствие этого она не сможет обеспечить замену технических подразделений в результате потерь, если бы война началась в ближайшем будущем. В течение чехословацкого кризиса военный атташе в Риме докладывал, что Италия не ожидает того, что существующая политическая ситуация приведет к европейской войне. Что касается нарастания напряженности в германо-чехословацких отношениях, он писал о том, что, хотя Италия может быстро провести мобилизацию, в стране существует сильные настроения против участия в войне в качестве союзника Германии. 12 октября он докладывал, что производство боевых самолетов в Италии составляет от 180 до 200 единиц в месяц. Согласно оценкам численности итальянской армии от 2 ноября 1938 года, она составляет около 738 000 человек.

События 1938 года и военная тревога, ставшая результатом чехословацкого кризиса, частично послужили тому, что чувство безопасности двух западных [7] держав, Англии и Франции, было поколеблено. В марте 1938 года британцы начали осознавать свою военную слабость, и военный атташе в Лон-

доне докладывал, что военный министр Хор-Белиша¹⁵ предпринимает шаги по реорганизации британской армии. 14 марта военный атташе констатировал, что британцы намерены сократить численность гарнизонов в империи и усилить свои позиции в метрополии для действий против Германии. Он докладывал, однако, и о том, что реорганизация армий, запланированная Хор-Белиша, в действительности была неэффективной, не говоря уже о мерах противовоздушной обороны.

Реальное производство самолетов в Англии в 1938 году составляло около 200 единиц в месяц. Успех британской военно-воздушной программы требовал серьезных перемен в отношении к проблеме со стороны всей британской нации. Несмотря на предупреждения, которые они получали в течение лета, чехословацкий кризис застал британцев полностью неподготовленными. Военный атташе констатировал, что все их военные приготовления были трагически недостаточны. Несмотря на этот недостаток чувства реальности, добавил он, британцы, вероятно, снова погрузились в апатию после того, как кризис был урегулирован в Мюнхене. Дополнительные сведения о неэффективности зенитной артиллерии в период кризиса были приведены в докладе военного атташе от 24 октября.

1938 год, а также чехословацкий кризис застали французскую нацию полностью неподготовленной и сотрясаемой внутренними политическими раздорами. В марте 1938 года военный атташе в Париже докладывал, что доверие французской общественности в отношении использования займа на государственную оборону 1937 года было поколеблено. Он сообщал, что в то время, когда напряженность в отношениях между немцами и чехами приняла в мае крайнюю форму, было мало доказательств того, что Генеральный штаб конструктивно мыслил относительно реагирования на сложившуюся ситуацию, несмотря на то, что французы были сильно заинтересованы в судьбе своего центральноевропейского союзника. Дополнительные сведения о слабости Франции были приведены военным атташе, который процитировал заявление полковника Линдберга¹⁶ о слабости французских военно-воздушных сил, которое было подкреплено утверждением французского министра авиации. После Мюнхенского соглашения и расчленения Чехословацкой Республики военный атташе сообщал

о том, что французы совсем потеряли уверенность. Французский Генеральный штаб полагал, что следующий кризис произойдет в апреле 1939 года. Все более серьезные последствия международного положения Германии и угроза европейской войны были отмечены в декабрьском докладе военного атташе. [8]

Для отчетов из Москвы с 1938 года и фактически за весь период европейского кризиса вплоть до начала войны в сентябре 1939 года характерно практически полное отсутствие информации от военного атташе в Советском Союзе. Это может быть в некоторой степени объяснено трудностями получения информации о военных и политических событиях по причине советской цензуры и недостатком доверия к иностранцам. Тем не менее описание того, что происходило в Советском Союзе, остается самой слабой стороной в совокупности отчетов американских военных атташе предвоенного периода.

В Советском Союзе события 1938 года ознаменовали конец советских намерений по созданию единого фронта против немцев с помощью Лиги Наций и союза с западными державами. В течение года Советский Союз продолжал предпринимать меры по промышленной мобилизации в плане подготовки к вооруженному конфликту. Численность советских военно-воздушных сил оценивалась в 49 бригад наземного и 5 бригад морского базирования. В течение чехословацкого кризиса военный атташе в Москве 15 сентября докладывал, что советская армия поможет чехам, если на них нападут немцы, при условии, что Франция также придет им на помощь¹⁷. Советские военные руководители, однако, открыто критиковали британскую политику и считали, что миссия Ренсимена приведет к расчленению чехословацкого государства. После Мюнхенского соглашения военный атташе докладывал, что советские руководители до конца не определились, продолжать ли участвовать в работе Лиги Наций, развивать дополнительные двухсторонние договоры с соседними государствами либо же отказаться от попыток коллективных действий и сконцентрироваться на внутреннем усилении Советского Союза. В декабре военный атташе оценивал производство самолетов в течение календарного 1938 года в 2150 единиц. Максимальный объем производства авиационных двигателей всех типов составил 6600 единиц. [9]

1939

1939 год начался с практически полного затишья в политической активности. Затишье было настолько полным, что 20 февраля военный атташе в Берлине сообщал о том, что, если не произойдет ничего непредвиденного, очень маловероятно, что германская агрессия произойдет в этом году. Неделью спустя военный атташе сообщал о том, что внимание Германии сосредоточено на венгерской ситуации и борьбе за власть между различными группировками в этой стране. 13 марта он писал о том, что германская пресса в течение нескольких дней раздувает тему чехословацкого кризиса и кажется, что Германия вмешается с помощью вооруженных сил в этот кризис. На следующий день в телеграмме он информировал военное министерство, что в течение двух грядущих дней ожидается оккупация Чехословакии германскими войсками. На следующий день он телеграфировал, что оккупация была осуществлена прошлой ночью. Оценивая последствия оккупации Чехословакии, военный атташе в Берлине писал, что она окончательно подтвердила германскую программу экспансии на восток в течение 1939 года. Хотя эта программа, должно быть, ограничена польским коридором, Данцигом, Мемелем и бывшей германской территорией в Польше, она может включать, добавил он, Румынию и части территории Советского Союза. 27 марта он сообщал, что самым главным для берлинских обозревателей был вопрос Данцига и польского коридора. Он добавил, что не верит в то, что полноценные итало-германские действия против западных демократий развернутся в 1939 году.

В течение весны 1939 года польско-германские отношения развивались по тому же образцу, что и чехословацко-германские отношения на протяжении прошлого года. 3 апреля военный атташе докладывал, что отношения почти достигли критической точки и сопровождаются инцидентами на границе, хотя он не верит в то, что немцы немедленно предпримут военные действия против Польши. Неделью спустя, он прояснил ситуацию, сообщив, что, несмотря на слухи, он не верит в то, что неординарные передислокации войск сколько-нибудь существенного масштаба имели место на территории Третьего рейха. Хотя непосредственных военных приготовлений не было, он сообщал о том, что самолеты были доставлены на аэродромы на случай возможных военных действий. Совокупная военно-воздушная мощь Германии

была определена в 4490 самолетов первой линии, достигавшая с учетом резервов почти 14 000 единиц. Он констатировал, что Германия была способна выставить на поле боя 150 [10] дивизий, что делало ее еще более мощной, чем в 1914 году. Он добавил, что приготовления против Польши велись с сентября 1938 года и, по его мнению, гарантии западных держав, данные Польше, чуть приостановили эти приготовления, однако в целом германская восточная программа не была отменена. Комментируя речь Гитлера в рейхстаге 28 апреля, военный атташе определил ее как «самую зловещую». Он писал о том, что она оставляет впечатление отчаянной решимости продолжить осуществление германской экспансии на восток. Он также предупреждал о постепенном сосредоточении войск в восточной Германии. 8 мая военный атташе в Берлине докладывал, что все подразделения германских вооруженных сил переведены на штаты военного времени и что 500 000 резервистов проходят дополнительное обучение. Неделю спустя он сообщил еще об одном признаке углубляющегося кризиса, а именно о мероприятиях по обучению резервистов и пилотов коммерческих линий полетам на боевых самолетах в течение этого лета. Военный атташе констатировал, что, хотя Германия, осуществляя небольшие передислокации войск, делает все, чтобы у поляков сдали нервы, он не верит в то, что она рискнет начать большую войну в настоящее время. Однако небольшие передвижения будут использоваться для прикрытия всякой серьезной передислокации, добавил он. Первое предупреждение о возможном заключении германо-советского соглашения было представлено атташе 26 мая. Он предостерег, что, если Великобритания не достигнет соглашения с Россией, Германия может договориться с последней и что неудача британско-российских переговоров вполне может стать сигналом для германского нападения на Польшу. Он считал, что Германия может поставить под ружье 2 000 000 человек и информировал о расположении германских сил в возможной польской кампании. Временное затишье в развитии кризиса возникло в июле, и военный атташе отметил, что ряду высокопоставленных офицеров были даны увольнительные, что говорит о том, что немедленных военных действий не будет. В то же время, однако, он считал, что в случае войны немцы могут призвать на военную службу 3 690 000 человек. В течение месяца военный атташе вновь докладывал, что ситуация вокруг

Польши с 30 июня остается сравнительно спокойной, но предупреждал, что идея о том, что восточная программа Гитлера остановлена, не подкреплялась известными ему сведениями о военной ситуации. 7 августа военный атташе констатировал, что передвижения германских войск на восток и их сосредоточение вдоль польской границы, которое началось 30 июля, вкупе с другими чрезвычайными мерами, противоречили внешнему политическому спокойствию. Две недели спустя он докладывал, что многие офицеры были неожиданно отозваны из увольнительных. Немцы сбросили маску, писал он, и требуют не только Данциг, но и весь польский коридор и Тешин¹⁸. На следующий день после начала польско-германского конфликта военный атташе в Берлине информировал военное министерство о том, что максимум, чего можно ожидать от России, это усиление гарнизонов на польской границе. Эта мера заставит Польшу отправить войска на восток. В то же время он характеризовал советско-германский пакт от 23 августа как [11] грубый технический просчет Германии.

1 сентября нацистские армии напали на Польшу, и три дня спустя Англия и Франция объявили войну Третьему рейху. В то время как германская военная машина шла полным ходом и польская кампания подходила к концу, военный атташе в Лондоне докладывал, что британцы сообщили ему о том, что бензина у Германии осталось лишь на два-три месяца военных действий. После коллапса Польши военный атташе в Берлине сообщал о том, что первым шагом Германии будет, возможно, воздушная или подводная кампания против британского торгового флота. Если эта кампания не заставит Англию встать на колени, Германия нападет на французскую и британскую армии. Такое нападение может быть осуществлено лишь через территорию Бельгии и Голландии или Италии; бельгийско-голландский путь предоставляет больше шансов на успех. В Италии, как и в Германии, начало 1939 года было отмечено затишьем. В конце февраля военный атташе в Риме в докладе о производстве самолетов отметил, что несмотря на значительные разговоры о войне ускорения в производстве, которое могло бы означать начало незамедлительных военных действий, не наблюдалось. В докладе военного атташе в Париже была приведена цитата из французских военных источников, подтверждающая эту точку зрения. Однако сам

военный атташе не верит в то, что итальянские военные приготовления были просто блефом. Он придерживался более пессимистического взгляда на ситуацию. Военный атташе в Риме докладывал, что в марте максимальная численность армии мирного времени могла составлять 600 000 человек, половина из которых не была готова к участию в боевых действиях до завершения обучения в июле или августе. Уверенность Италии в том, что 1939 год пройдет без войны, так же как и 1938-й, была подкреплена сведениями из июньского доклада военного атташе. В нем он процитировал итальянского офицера, который заявил о том, что войны не будет. В конце месяца военный атташе докладывал, что ежемесячное производство самолетов в Италии достигло 150–180 единиц.

Когда война, в конце концов, началась первого сентября, Италия не приняла в ней участие. Италия, однако, продолжила военные приготовления, и к октябрю общая численность ее армии оценивалась военным атташе в 1 300 000 человек. В конце ноября он считал, что итальянская военная промышленность не сможет обеспечить армию необходимой материальной частью на случай большой войны и это предотвратит вступление Италии в любой длительный вооруженный конфликт. В юго-восточной Европе последнее препятствие для перевооружения Болгарии было снято Салоникским пактом 31 июля 1939 года¹⁹, и по оценкам численности болгарских вооруженных сил от 25 апреля она составляла 60 000 человек. Перед самым началом войны военный атташе в Бухаресте докладывал, что, хотя официальной политика Болгарии заключалась в поддержании нейтралитета, было возможно, что Болгария будет втянута в любой большой [12] вооруженный конфликт. В ноябре военный атташе в Софии спросил члена французской дипломатической миссии, верит ли он в то, что Болгария предоставит Германии право размещения военно-воздушных баз на своей территории. Французский дипломат ответил, что это маловероятно, так как болгары не хотят сражаться на стороне держав «оси».

В то время как Германия использовала начало 1939 года для завершения своих приготовлений к возможной войне, британцы начали, наконец, осознавать смертельную опасность своего положения. 4 января 1939 года военный атташе в Лондоне сообщил о том, что военные приготовления начались слишком поздно и что мас-

штаб изначальных концепций и программ был недостаточным. Он докладывал, что британцы верили в то, что несмотря на суровые испытания, через которые они пройдут в начале войны, в конце концов, через 2–6 месяцев инициатива в сухопутных и военно-воздушных действиях перейдет к западным державам. Военный атташе информировал военное министерство о серьезном замешательстве и слухах по поводу дальнейших шагов Германии в первые месяцы 1939 года. 19 апреля он констатировал, что Англия действительно находилась в серьезном положении и что большая война была неизбежна. Он сообщал, что в любой подобной схватке люфтваффе будет превосходить королевские военно-воздушные силы в количественном отношении. Он назвал британскую армию дилетантской. В мае и снова в июле военный атташе докладывал, что подразделения британской армии, которые он осмотрел, произвели очень благоприятное впечатление и, учитывая изменения по сравнению с прошлыми визитами, был достигнут явный прогресс. Эти впечатления были подкреплены другими более оптимистичными докладами по общей обстановке.

Другая ведущая западная держава, Франция, также пыталась использовать 1939 год для того, чтобы нагнать германскую военную машину. Однако военный атташе в Париже пессимистически оценивал подобные усилия. В апреле 1939 года он рассматривал попытки, предпринятые для усиления французской позиции. Однако он ясно показал, что французская промышленная мобилизация была неэффективной и что французское производство не достигло уровня организации, необходимого для успешного ведения войны. Он докладывал, что, в то время как французы были потрясены походом Гитлера на Прагу, они переоценивали степень сопротивления, которое польская армия сможет оказать любому дальнейшему продвижению Германии на восток. В серии докладов он обсуждал французские представления об общей международной ситуации. Французы, писал он, были уверены в том, что германская армия на 100 процентов поддерживает Гитлера, ее численность составляет 1 000 000–1 200 000 человек, однако германские запасы топлива ограничены 6 месяцами. Польская [13] армия насчитывала около 500 000 человек и состояла из хороших офицеров и солдат, но ей не доставало унтер-офицеров и военных материалов.

Слабость французских военно-воздушных сил постепенно становилась ясной, и военный атташе в Париже докладывал, что эта слабость широко обсуждалась в прессе и палате депутатов. В 1937 году были составлены планы и выделены ассигнования с целью увеличения производства современных боевых самолетов до 1500 единиц к апрелю 1940 года. Однако на деле французская военно-воздушная мощь продолжала уменьшаться и, хотя министерство авиации Франции еще в начале 1939 года заявило о том, что вскоре производство самолетов будет доведено до 250 единиц в месяц, французская армия в январе 1940 года получила лишь 15 боевых самолетов.

В Восточной Европе Советский Союз, серьезно обеспокоенный опасностями, грозящим некоторым его территориям после Мюнхенского соглашения, ускорил свою программу перевооружения. В 1939 году советское правительство провело реорганизацию Народного комиссариата вооружения, а также Комиссариата пищевой промышленности. Рост военных затрат был также отражен в увеличении военного бюджета. В течение весны и начала лета советское правительство вело переговоры как с западными державами, так и с Германией, однако передвижений войск, за исключением связанных с местными маневрами, замечено не было. Но в течение августа — как раз перед заключением советско-германского соглашения — военный атташе в Москве докладывал о серьезной передислокации войск в направлении Дальнего Востока. В более позднем докладе военного атташе подчеркивалась серьезность, с которой Советы смотрят на российско-японскую ситуацию, и военные шаги, которые они предпринимают для того, чтобы быть готовыми к любому развитию событий на границе. После начала войны между Польшей и Германией 16 сентября русские вторглись в Польшу и присоединились к Германии в четвертом разделе этого государства. Военный атташе докладывал об опасениях в Москве в отношении развития военных событий на западе, несмотря на договор с Германией. Он также сообщал о передвижениях советских дивизий к финской границе на севере и турецкой границе на юге. Диспозиция советских военно-воздушных сил, переданная военным атташе, подчеркивала растущую озабоченность советского руководства по поводу своей западной границы. 30 ноября Красная армия вторглась в Финляндию.

1940

В течение зимы и начала весны 1940 года на фронтах наблюдалось полное бездействие. Кампания в Польше была закончена, и единственным примером реальных боевых действий было советское наступление в Финляндии. В феврале военный атташе в Берлине оценивал объемы производства самолетов в Германии в 1500–2000 единиц в месяц, хотя он предупреждал, что эта цифра может быть слегка завышена. Французы также были осведомлены о растущей германской силе. Военный атташе в Париже докладывал, что, по оценкам военного министерства Франции, Германия мобилизовала 150–170 дивизий и это число со временем может быть доведено до 300 дивизий. Затем, 21 февраля, военный атташе докладывал, что 101–106 германских дивизий сосредоточены на западном фронте. Эти сведения сопоставимы с докладом военного атташе в Берлине, в котором говорилось о 111 дивизиях на западе. Военный атташе в Берлине считал, однако, что 214 дивизий, мобилизация которых, как он писал, будет завершена к 1 июня, были фактически мобилизованы к 1 мая.

В ходе неожиданного наступления на севере 9 апреля немцы захватили Данию и Норвегию, а два дня спустя, примерно за месяц до наступления на западе, военный атташе в Берлине информировал военное министерство о том, что немцы считают возможным взломать оборону на линии Мажино. После успешной норвежской кампании военный атташе в Берлине докладывал, что ситуация на фронтах была подозрительно спокойной и он чувствовал, что скоро будут предприняты новые действия. Анализируя форму, которую примут эти действия, он добавил, что необходимо всегда принимать во внимание потенциальные возможности, связанные с концентрацией германских войск на западе. Неделю спустя, 29 апреля, он категорически заявил о том, что, учитывая приготовления германских вооруженных сил, будет предпринято общее наступление на северном участке западного фронта с целью нанесения поражения армиям союзников. На начальном этапе наступления на западе военный атташе в Берлине оценивал численность германской армии в 240 дивизий всех типов. 13 мая он добавил, что германское наступление на северном участке французского фронта было нацелено на уничтожение всех вооруженных сил союзников.

20 июня первый намек на недовольство Германией русскими был сделан военным атташе в Берлине, писавшим о том, что экономическое сотрудничество Германии с советским правительством оказалось неудовлетворительным. В это время, однако, он верил в то, что Германия сначала предпримет наступление на Англию. Если оно будет успешным, добавлял он, за ним последуют операции против Советского Союза и в Африке. 24 июля [15] он вновь отметил неудовлетворительное состояние советско-германских отношений, заявив, что 60 немецких дивизий сосредоточено в Польше и восточной Германии в качестве превентивной меры. Несмотря на его догадки о возможных действиях против Советского Союза, военный атташе в Берлине считал, что главной целью Германии оставалась Англия и что передвижения войск на восток были оборонительной мерой. 16 августа он информировал о том, что Германия предпримет массированные бомбардировки Англии и, возможно, отправит армию вторжения, если завоеет превосходство в воздухе. Неделю спустя он телеграфировал о том, что Германия имеет 8000 самолетов первой линии для борьбы с британцами и дополнительно 3000 самолетов для внутренней обороны.

25 сентября военный атташе в Берлине докладывал, что впервые германские подразделения были отправлены в Северную Африку для помощи итальянцам в их борьбе с британцами. К 11 октября он информировал о том, что возможность высадки немцев на Британские острова в течение этого года быстро уменьшается, хотя и не может быть полностью сброшена со счетов. Передвижения войск на востоке и юго-востоке продолжаются, добавил он.

22 ноября военный атташе в Берлине докладывал, что сосредоточение войск в северной Норвегии служит знаком для Советского Союза о большой заинтересованности Германии в финских месторождениях минерального сырья. После победных кампаний во Франции, Бельгии и Нидерландах военный атташе писал о том, что в небольшом количестве, но постоянно на военную службу призываются все новые силы и к концу этого года у Германии будет около 223 дивизий. В докладе от 6 декабря военный атташе и его помощники соглашались, что Соединенные Штаты не должны недооценивать Германию и что как государство Третий рейх стал чрезвычайно могущественен.

Несколько дней спустя военный атташе отмечал, что в Германии формируются новые дивизии, и что к концу весны 1941 года германская армия будет насчитывать как минимум 250 дивизий. Несмотря на отсутствие антисоветских комментариев, военный атташе подозревал, что ведется скрытая подготовка к неожиданному нападению против России и предупреждал, что вероятность такого нападения должна быть тщательно рассмотрена. 11 декабря он докладывал, что мобилизация в Германии продолжается ускоренными темпами и что 65 процентов германской армии размещено в Германии, Польше и юго-восточной Европе. Тем временем, добавил он в докладе неделю спустя, подразделения, возможно предназначавшиеся для вторжения в Англию, были отозваны из Бельгии и Голландии. В этом же докладе говорилось о том, что количество бронетанковых дивизий в германской армии было увеличено до 20. [16]

В течение зимы 1939–1940 годов и начала весны южные партнеры Германии по «оси» продолжали оставаться вне конфликта. Итальянское правительство, однако, увеличивало затраты на военные приготовления. Военный атташе в Риме информировал военное министерство, что Италия могла бы призвать 4 500 000 человек, но у нее нет возможности вооружить и экипировать такое количество людей. В марте он оценивал численность итальянской армии в метрополии в 1 300 000 человек. В конце того же месяца он констатировал, что, хотя итальянское военное руководство понимает, что оно будет неспособно вести тотальную войну в течение долгого времени, оно делает все, что в его силах, чтобы быть готовым в случае вступления в конфликт. В августе 1940 года, после падения Франции, военный атташе в Белграде докладывал, что итальянская пропаганда направлена против Югославии и циркулируют сведения о том, что южные территории славянского королевства обещаны Албании. 13 декабря военный атташе в Риме докладывал, что лидеры фашистской партии выступают с критикой высокопоставленных офицеров Генерального штаба и ввиду высадки итальянских войск в Северной Африке оказание помощи им со стороны Германии становится все более возможным. Три дня спустя, однако, военный атташе писал о том, что присутствие германских войск может означать лишь то, что немцы по пути в Ливию изучают опыт колониальной политики и оказания

немцами прямой военной помощи Италии не ожидается.

Тем временем болгары оставались в стороне от конфликта на протяжении всего 1940 года. 27 марта военный атташе докладывал из Белграда о том, что была открыта коммерческая авиалиния Москва — София. Считается, что это было советской пропагандистской мерой, а не знаком того, что Советы получили от Болгарии какие-либо материальные уступки. Три месяца спустя военный атташе в Афинах оценивал численность болгарских военно-воздушных сил в 541 хороший самолет; между тем тяжелые грузы военных материалов продолжали прибывать в Болгарию из Германии.

В дополнение к постоянным военным атташе в главных европейских столицах правительство Соединенных Штатов решило также отправить военных атташе в Бельгию и Нидерланды. В Бельгию атташе был назначен летом 1938 года, в Нидерланды — после падения Польши осенью 1939 года. Эти атташе продолжали свою работу до германского вторжения весной 1940 года. Их доклады, особенно в течение весны 1940 года, дают точную картину имевшихся у Бельгии и Нидерландов сил и их возможном вкладе в оборону Западной Европы от германского вторжения. В то время как германские приготовления к возможному нападению на Советский Союз становились постепенно все яснее для наших военных наблюдателей в Берлине в течение второй половины 1940 года, военный атташе в Москве докладывал о постепенном усилении Советского Союза в течение этого года. Война с Финляндией вызвала недостаток продовольствия в Московской области, но военный атташе писал [17], что ситуация не была критической. В апреле, он докладывал, что в речи Молотова была подчеркнута дружба с Германией и выражена настороженность по поводу французских действий на Ближнем Востоке²⁰. Военный атташе отметил, что Сталин не желает заключения полноценного советско-германского военного союза, что могло бы втянуть его в войну с другими ведущими державами. Тем не менее Советский Союз продолжал извлекать преимущества из германской занятости на западе, и военный атташе информировал о присоединении части Бессарабии к Молдавской Советской Социалистической Республике в августе 1940 года.

Осенью 1940 года в Москве стало ясно, что советско-германские отношения стали напряженными.

1941

1941 год начался с германских приготовлений к колоссальным военным действиям. Военные атташе в Берлине были осведомлены о планируемых огромных увеличениях германской армии и постоянно докладывали о них на протяжении весны 1941 года. 17 января военный атташе писал о том, что наиболее вероятным направлением германского нападения будет либо Англия, либо Советской Союз. Он уточнял, что также возможна небольшая кампания в районе Балкан для уменьшения давления на итальянцев и консолидации позиции Германии в юго-восточной Европе. В этом докладе он обратил особое внимание на признаки возможных действий против Советского Союза, а именно: сосредоточение войск, увеличившиеся передвижения моторизованных частей, продолжающаяся германская мобилизация и сведения о похолодании в советско-германских отношениях. 27 января он информировал военное министерство, что германская бронетанковая бригада была уже в Триполи, но признаков планирования большой операции на Балканах не наблюдалось. Однако концентрация германских войск в юго-восточной Европе продолжалась. Согласно оценке численности германских сил в Румынии от 13 февраля, составленной для начальника штаба армии, нацистские войска насчитывали там 500 000–600 000 человек. Говорилось, что эти войска были предназначены для возможного наступления на юг в направлении Эгейского моря. Подобное наступление поставило бы под контроль Германии всю юго-восточную Европу. Месяц спустя военный атташе в Берлине докладывал, что у Германии имеется 32 300 самолетов активной службы и в резерве. Несколько дней спустя в другом сообщении от военного атташе в Берлине говорилось о том, что сложно судить, действительно ли немцы собираются напасть на Британские острова, хотя он думал, что скорее всего нет. Шумиха, которую они развернули вокруг этого нападения, чувствовал военный атташе, была частью войны нервов. 17 марта военный атташе информировал Вашингтон, что предпринимаются дальнейшие [18] приготовления к войне против России. Он писал, что германские силы на востоке в течение последних двух недель постоянно росли. Он докладывал о трех новых группах армий и о том, что Германия завершила инспектирование российской границы. Эти и другие факторы, заявлял военный атташе,

заставляют его думать, что готовится нападение на Россию.

О еще одном признаке напряженности в советско-германских отношениях военный атташе писал 28 марта: он докладывал, что Советский Союз использует свое влияние на Балканах для поддержки местных антигерманских элементов. К 15 апреля военный атташе в Берлине был убежден, что имеющиеся сведения указывают на готовящееся нападение на Советский Союз, тогда как в следующем докладе того же дня он заявил, что на побережье Ла-Манша Германия имеет лишь 48 боевых дивизий и не может начать наступление на Британские острова без их усиления. 13 мая он докладывал, что ситуация в отношениях с Россией достигла критической точки и Германия усиленно сосредоточивает войска на советской границе, доведя их численность до 100 дивизий. Первый признак того, что Германия может продолжить продвигаться на юг в район Эгейского моря после захвата Югославии и Греции во время Балканской кампании, появился в апреле. 15 мая военный атташе в Берлине докладывал, что немцы планируют атаковать остров Крит с помощью военно-воздушного десанта. В меморандуме для начальника штаба сухопутных сил от 20 мая, сразу после начала критской операции, говорилось о том, что успех Германии закроет Средиземное море для британцев.

16 июня, накануне советско-германского конфликта, военный атташе докладывал из Берлина, что, по его мнению, великий кризис вот-вот начнется. В оценке ситуации на русском фронте от 25 июня, подготовленной для начальника штаба сухопутных сил через три дня после германского нападения на Советский Союз, главной целью немцев считалось уничтожение северной группы советских армий. В ходе летней кампании военный атташе докладывал, что Германия существенно продвинулась вперед, но свидетельств того, что Советский Союз разваливается изнутри, не было. К концу августа он заявлял, что из-за русского сопротивления немцам придется смириться с достижением ограниченных целей в России в 1941 году. Они также работают над планами зимней кампании в Северной Африке. 3 октября он сообщал о том, что у Германии будет 300 дивизий к концу этого года и что аппарату военного атташе известно о существовании 24 бронетанковых дивизий. В октябре он считал, что немцы готовят широкомасштабное наступление в Советском Союзе

с целью нанесения ему поражения до наступления зимы. Если эта кампания не удастся, добавлял он, Германия потерпит поражение. [19]

В течение 1941 года значение роли, которую играл южный партнер Германии, отчасти возросло, хотя основное бремя сражений в Средиземноморье, в Советском Союзе и на Балканах несла германская армия. 23 января военный атташе в Риме сообщал об устойчивых слухах по поводу возможного воздушно-десантного вторжения на Мальту с помощью германских военно-воздушных сил, размещенных в Сицилии. Сведений о действительной подготовке такого нападения обнаружено не было. В начале марта он оценивал численность итальянских боевых самолетов в континентальной Италии, Сицилии и Сардинии в 600 или 800 единиц. К 3 апреля итальянцы сконцентрировали в Албании войска численностью около 450 000 человек. 13 мая военный атташе в Риме информировал военное министерство о слухах по поводу будущих планов Германии и Италии захватить Суэцкий канал и напасть на британский флот в Восточном Средиземноморье. Месяц спустя он предсказывал, что итальянские военно-воздушные силы усилят свою активность в Средиземном море. В августовском письме военный атташе в Риме писал о сомнительности того, что немцы будут продолжать снабжать достаточным снаряжением и сырьем планируемыми 120 дивизий в Италии, так как немцы хотят, чтобы итальянская армия была настолько сильной, чтобы оказывать им помощь, но не настолько сильной, чтобы иметь иллюзию независимости. В декабре он сообщал о том, что численность личного состава итальянских военно-воздушных сил составляла около 200 000 человек.

Тем временем в течение 1941 года распространение европейской войны на юго-восток континента в конце концов втянуло в конфликт и болгар. К 4 апреля три четверти болгар было мобилизовано и только недостаток снаряжения препятствовал призыву на военную службу еще большего количества людей, докладывал военный атташе в Софии. Военный атташе добавил, что между Болгарией и Германией было заключено соглашение о том, что болгарские войска будут сконцентрированы вдоль турецкой границы, освобождая германские войска для действий против Югославии и Греции. 9 апреля военный атташе предупреждал военное министерство, что, принимая во внимание передвижение германских войск, нападение на Югославию

возможно в любое время. 14 апреля военный атташе докладывал о перемещении болгарских войск через Софию и видимых приготовлениях для повторного занятия территорий Фракии и Македонии²¹. Информация о болгарских намерениях занять территории Фракии и Македонии была подтверждена в коммюнике, изданном болгарскими 19 апреля.

Хотя в начале 1941 года Советский Союз внешне поддерживал дружественные отношения с Германией, советское правительство предпринимало шаги для воспрепятствования германской экспансии в юго-восточной Европе. 6 января военный атташе в Москве процитировал советского офицера, говорившего о том, что, когда немцы пересекут советскую границу, они будут встречены огнем и потерпят поражение. Употребление слова «когда», а не «если» служило признаком текущих настроений [20] советских офицеров о неизбежности столкновения между двумя государствами. Дальнейшие симптомы того, что Советы предпринимают масштабные приготовления для отражения любой германской угрозы, были приведены в докладе военного атташе в Москве от 27 января, в котором он писал о том, что большое количество контингентов

призвано на военную службу. Военный атташе докладывал, что в начале 1941 года Советский Союз продолжал увеличивать ассигнования на военные нужды.

8 апреля военный атташе информировал военное министерство о признаках резкого изменения в отношениях Советского Союза и Германии. Три недели спустя военный атташе в Москве писал о возрастающей угрозе германского вторжения. Он добавил, что на запад перемещаются войска и военные материалы. В мае он вновь информировал военное министерство о том, что словацкий дипломат сообщил ему о перемещении германских подразделений через Братиславу днем и ночью в направлении на Советский Союз. 19 июня военный атташе писал о том, что немцы советуют американским дипломатам в Москве эвакуировать американских женщин и детей из Советского Союза, намекая на возможность вторжения германской армии. После германского нападения 22 июня он отправил ряд телеграмм в военное министерство, информируя его о ходе военных действий. Военный атташе также сообщал военному министерству о том, что Советский Союз имеет на Дальнем Востоке около 22 дивизий.

¹ Memorandum for the President. September 2, 1943. Subject: Axis War Potential // Franklin D. Roosevelt Library, Map Room Files, Naval Aide's Files, Axis War Potential — A16.

² По всей видимости, военный атташе имел в виду следующий сценарий развития событий. Германия нападает на СССР, что вынуждает Францию оказать помощь СССР по договору о взаимной помощи от 2 мая 1935 г. Франция предпринимает действия против Германии, что используется последней для представления Франции «в роли агрессора». При этом стоит отметить, что, несмотря на многочисленные дискуссии в Лиге Наций, признанной дефиниции агрессии в межвоенное время так и не было выработано. См.: Zourek J. Enfin une définition de l'agression // *Annuaire français de droit international*. 1974. Vol. 20. No. 1. P. 9–30.

³ Ландвер — категория военнообязанных запаса второй очереди и второочередные войсковые формирования. В Германии по закону 21 мая 1935 г. в ландвере состояли мужчины с 35 до 45 лет.— Прим. Авт.

⁴ В последующем автор данного доклада, военный атташе США в Германии в 1935–1939 гг. полковник Т. Смит, признавал его существенные недостатки. Его «наиболее серьезным упущением» Смит считал игнорирование того факта, что немцы строили самолеты, предназначенные для ведения совместных боевых действий с армией, а не тяжелые бомбардировщики, которые были необходимы, «если бы Гитлер был нацелен на проведение решающих операций против Англии или против США» (цит. по: Farnham B. R. *Roosevelt and the Munich Crisis: a Study of Political Decision-Making*. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 2000. P. 169).

⁵ Борис III (1894–1943), царь Болгарии с 1918 года из династии Саксен-Кобург-Гота.— Прим. Авт.

⁶ Как отмечает итальянский историк Э. ди Нольфо, характеризуя британскую политику в отношении Австрии в начале 1930-х гг., англичане «считали аншлюс „фатальным событием“» (ди Нольфо Э. *История международных отношений, 1918–1999*. М.: Логос, 2003. С. 149). Для ряда политических деятелей Великобритании подобное отношение к аншлюсу было характерно и в 1920-е гг. Как писал первый секретарь британской дипломатической миссии в Вене в марте 1927 года, аншлюс, по его мнению, является для австрийцев «единственной надеждой на существование в будущем» (Leeper to Chamberlain, 23 March 1927 // *Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Series Ia. Vol. III*. London: HMSO, 1970. P. 129).

⁷ Кот Пьер (1895–1977), французский государственный и политический деятель. В 1933–1934, 1936–1938 гг. — министр авиации Франции. — Прим. Авт.

⁸ 12 февраля 1938 г. австрийский канцлер К. фон Шушниг прибыл на встречу с Гитлером в его альпийскую резиденцию Бертехсгаден. Несмотря на предварительные заверения германского посла в Австрии Ф. фон Папена

о желании Гитлера лишь обсудить некоторые «взаимные недоразумения», во время встречи Шушнигу был предъявлен ультиматум, содержащий следующие требования: легализовать деятельность австрийских нацистов, чья партия была распущена в 1937 г.; установить германский контроль над внешней политикой Австрии; назначить ряд австрийских нацистов на ключевые правительственные должности (министр внутренних дел, военный министр, министр финансов). Под огромным нажимом Шушниг согласился на требования Гитлера, выговорив лишь одну уступку: отсрочить оглашение соглашений на три дня. Подробнее см.: Gehl J. *Austria, Germany, and the Anschluss, 1931–1938*. London: Oxford University Press, 1963; Полтавский М. А. *Австрийский народ и аншлюс 1938 г. М.: Наука, 1971.*

⁹ 20 мая второе (разведывательное) бюро Генштаба Чехословакии получило информацию о перемещении германских войск в сторону чехословацкой границы (сомнения в достоверности этих сведений появились сразу после 20 мая). Также в Прагу поступили данные о возможности восстания в Судетах во время муниципальных выборов 22 мая, что могло послужить предлогом для ввода германских войск. Той же ночью президент страны Э. Бенеш объявил частичную мобилизацию около 200 тыс. резервистов. 21–22 мая Великобритания и Франция предприняли ряд дипломатических демаршей, предупредив представителей Германии, что вторжение в Чехословакию может означать европейскую войну. Как отмечают современные российские исследователи, «Гитлер испугался. Время для большой войны еще не пришло. По его распоряжению 23 мая чехословацкий посол в Берлине был информирован о том, что Германия не имеет агрессивных намерений в отношении Чехословакии» (Системная история международных отношений / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 1. М.: Культурная революция, 2009. С. 290). Подробнее см.: The Munich Crisis, 1938: Prelude to World War II. Ed. by I. Lukes, E. Goldstein. London: Routledge, 1999.

¹⁰ Система долговременных укреплений, возведённых Германией в 1936–1940 гг. вдоль своих западных границ от Нидерландов до Швейцарии. Также известна как «линия Зигфрида». — Прим. Авт.

¹¹ В данном случае расчеты Гитлера и французских военных совпадали. Одним из основных вариантов военной помощи Чехословакии со стороны Франции было оказание давления на рейнском фронте. Максимально затруднить такие действия — «в этом заключается основная выгода, которую Германия извлечет из строительства укреплений на Рейне», отмечалось в записке французского Генштаба от 9 июля 1936 г. (Note de l'État-Major de l'Armée. Obligations d'assistance mutuelle pouvant incomber a la France, 9 juillet 1936 // Documents diplomatiques français. 1936. Tome II. Bruxelles : P.I.E.-Peter Lang, 2005. P. 645).

¹² Названа по имени ее главы У. Ренсимена (1870–1949), с 1937 г. виконта Ренсимена Доксфордского. В 1931–1937 гг. министр торговли Великобритании. С 3 августа по 16 сентября 1938 г. в качестве уполномоченного британского правительства возглавлял миссию в Чехословакию, целью которой было достижение компромисса в переговорах между правительством Чехословакии и представителями Судетской немецкой партии во главе с К. Генлейном. По итогам работы миссии был составлен доклад, в котором рекомендовалось провести в Судетской области плебисцит по вопросу ее присоединения к Германии, а также выработан план по созданию на территории Чехословакии автономных немецких и венгерских районов (подписан 7 сентября). Подробнее см.: Vyšný P. *The Runciman Mission to Czechoslovakia, 1938: Prelude to Munich*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.

¹³ Военный атташе ошибался. Еще 30 мая 1938 года Гитлер подписал директиву по военному плану «Грюн». В ней он указывал: «Моим твердым решением является уничтожение Чехословакии посредством военной акции в обозримом будущем». Начальник штаба верховного командования вермахта В. Кейтель дополнительно сообщил главнокомандующим видами вооруженных сил, что выполнение этой директивы «должно быть обеспечено самое позднее с 1 октября 1938 г.» (Мировые войны XX века. Кн. 3. М.: Наука, 2002. С. 41).

¹⁴ Официальное название с 1915 г. — Каунас. В связи с захватом Вильнюса Польшей в 1920–1940 гг. — столица Литовской республики. — Прим. Авт.

¹⁵ Хор-Белиша Лесли Исаак, с 1950 г. барон Хор-Белиша Девенпортский (1893–1957), британский государственный деятель. В 1937–1940 гг. — военный министр Великобритании. — Прим. Авт.

¹⁶ Линдберг Чарльз Огастес (1902–1974), американский военный летчик и общественный деятель. В 1936–1938 гг. по поручению военного командования США предпринял несколько поездок по Германии, по результатам которых представил ряд докладов о развитии германских ВВС. Переоценивая уровень их развития и степень их превосходства над военно-воздушными силами Великобритании и Франции, выступал против активного противодействия США политике Гитлера (в том числе в период Мюнхенского кризиса). Подробнее см.: Cole W. S. *Charles A. Lindbergh and the Battle Against American Intervention in World War II*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1974.

¹⁷ Имеются свидетельства о том, что советское правительство могло оказать помощь Чехословакии и без аналогичных действий со стороны Франции. Так, 18 сентября 1938 г. министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта, касаясь вопроса о советской помощи, заявил американскому посланнику в Праге, что пока положение таково, что инициатива должна исходить от Франции, «но частным образом им дали знать, что в случае крайней необходимости СССР может прийти на помощь Чехословакии независимо от Франции». Косвенно

о готовности СССР взять на себя оказание основной помощи Чехословакии и без непосредственного участия Франции свидетельствует и телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел В. П. Потемкина полномочному представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому от 20 сентября, в которой он указывал, что СССР готов помочь Чехословакии «как член Лиги Наций на основании ст. 16 и 17, если в случае нападения Германии Бенеш обратится в Совет Лиги Наций с просьбой о применении упомянутых статей» (История внешней политики СССР, 1917–1985. Т. 1. М.: Наука, 1986. С. 337–339).

¹⁸ 30 сентября 1938 г. Польша предъявила Чехословакии ультиматум о передаче ей трех районов Силезии (Фрейштадт, Тешин, Яблунков). Находясь в крайне тяжелом положении, Чехословакия была вынуждена удовлетворить его 1 октября. Тешин стал частью территории Польши. — Прим. Авт.

¹⁹ В оригинале опечатка: Салоникский пакт между Болгарией и странами так называемой Балканской Антанты (Турция, Греция, Румыния, Югославия) был заключен 31 июля 1938, а не 1939 г. Он предусматривал отмену военных ограничений, наложенных на Болгарию Нейским мирным договором от 27 ноября 1919 г. (численность армии в 20 тыс. человек, запрет иметь тяжелое вооружение и авиацию, размер флота не более 10 судов и др.) и предоставлял ей право ввода войск в демилитаризованную зону на границе с Грецией. — Прим. Авт.

²⁰ Текст речи см.: Молотов В. М. Внешняя политика Правительства. Доклад на заседании VI сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. М.: Госполитиздат, 1940.

²¹ По всей видимости, военный атташе употребляет термин «геоoccupation» («повторное занятие»), имея в виду тот факт, что части территории Фракии и Македонии в свое время принадлежали Болгарии по Лондонскому мирному договору от 30 мая 1913 г., завершившего Первую Балканскую войну 1912–1913 гг. В последующем она потеряла их по Бухарестскому мирному договору от 10 августа 1913 г. Новые территории в Западной Фракии были уступлены Болгарией Греции после поражения в Первой мировой войне по Нейскому мирному договору от 27 ноября 1919 г. — Прим. Авт.